

Глава 3. Абакумов В. С. — министр госбезопасности СССР (1946–1951 годы)

Предисловие

В главах первой и второй приводилось множество сведений о многосложной и опасной деятельности органов контрразведки (Особые отделы НКВД и ГУКР СМЕРШ), успешно руководимой В. С. Абакумовым, внёсших несоменный огромный вклад в разгром гитлеровского нашествия на нашу страну. Сведения взяты из серьёзных источников, базирующихся в значительной своей части на рассекреченных в последние годы архивных материалах и трудах историков спецслужб.

В этой третьей гла ве приведу ряд дополнительных сведений: о личности, характере Виктора Семёновича Абакумова; о назначении после завершения войны на должность министра государственной безопасности СССР в 1946 году и о работе на этом посту; об аресте в 1951 году по указанию И. В. Сталина; об осуждении Абакумова после захвата власти в стране Н. С. Хрущёвым и о расстреле в 1954 году.

Ещё раз об итогах работы в войну и самой личности В. С. Абакумова

Тридцать тысяч разоблачённых немецких агентов, три с половиной тысячи диверсантов, шесть тысяч террористов. Только в период с 1943 по 1945 год СМЕРШем было проведено двести пятьдесят радиоигр. В ходе организованной дезинформации противника на нашу территорию удалось вывести более четырёхсот кадровых сотрудников фашистских спецслужб. И это — не считая захваченных десятков тонн грузов, предназначенных агентам и диверсантам противника

В. С. Абакумов

(Смыслов О. С. *Всесильный хозяин СМЕРШ*. Генерал Абакумов. — М.: Вече, 2019).

Противник и сам признавал эффективность советской военной контрразведки. Так, бывший начальник отдела «Абвер-1» генерал Гнс Пиккенброк уже после войны заявил: «Россия — самая тяжёлая страна для внедрения агентов вражеской разведки. После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они дей-

ствительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путём вернуться в ряды Красной Армии. Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Бывший генерал-фельдмаршал *Вильгельм Кейтель*, начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта, на вопрос: «Какими разведывательными данными о Советском Союзе вы располагали до войны и в ходе её, и из каких источников эти данные поступали?» — ответил: «До войны мы имели очень скудные сведения о Советском Союзе и Красной Армии, получаемые от нашего военного атташе. В ходе войны данные от нашей агентуры касались только тактической зоны, мы ни разу не получали данных, которые оказали бы серьёзное воздействие на развитие военных действий».

По мнению генерала *М. А. Козичев*, «Абакумов сумел выстроить систему управления СМЕРШем по типу

Генерального штаба, создав управления по фронтам. Это позволило хорошо знать оперативную обстановку на каждом фронте и быстро на неё реагировать. В. С. Абакумов пошёл против существовавшего тогда законодательства: являвшихся с повинной немецких агентов он освобождал от ответственности. Это резко подняло эффективность борьбы с агентурой противника». Добавим, что многих из них он перевербовывал для использования в контртеррористической деятельности против противника.

Другой генерал, *П. И. Ив шутин*, считал, что «принимать заслуги Абакумова в успешной работе ГУКР СМЕРШ несерьёзно». Он был убеждён: «Практические результаты деятельности СМЕРШ оказались выше, чем у НКГБ, что и стало причиной выдвижения Абакумова» (то есть на пост министра госбезопасности СССР в 1946 году вместо занимавшего до него эту должность Меркулова, более интеллигентного и мягкого человека, достаточно высокообразованного, в отличие от Абакумова).

Конечно же, успехи деятельности Особых отделов, а затем и СМЕРШа, — во многом заслуга их руководителя Виктора Семёновича Абакумова. Как же ему удавалось быть успешным командиром, имея четырёхклассное образование? Да и книжки читать он не любил. По свидетельству ряда близко сталкивавшихся с ним людей, Абакумов имел достаточно твёрдый характер, цепкий практический ум, хорошую память. Умел добиваться поставленной задачи — никогда не забывал проконтролировать выполнение своих приказов. И никогда не отказывался от принятого решения. И ещё: Виктор Семёнович на основе мельчайших деталей делал правильные выводы и принимал оптимальные решения. Чутьё, интуиция у него были хорошо развиты. Был резким человеком и всех своих заместителей и начальников управлений СМЕРШа фронтов жёстко держал в руках. Во взаимоотношениях с подчинёнными был достаточно справедлив. Хотя ситуации были разные. Бывал часто весьма груб к лицам командного состава, а в обращении с рядовыми сотрудниками — напротив, спокоен и даже вежлив.

«Если говорить словами некоторых авторов, — пишет в упомянутой нами своей книге *О. С. Смыслов*, — то

на фронте и в тылу вплоть до 1946 года свирепствовал СМЕРШ, возглавляемый Абакумовым, который принимал личное участие в расправах над арестованными офицерами. Известно, что за период 1941 — 1944 годов только их было репрессировано 72 тысячи. Например, в течение 1941 — 1952 годов были арестованы: 101 генерал и адмирал, из которых 76 судили Военной коллегией Верховного суда СССР, 5 — Особым совещанием при бывшем МГБ СССР, 8 генералов освободили вследствие отсутствия в их действиях состава преступления, а 12 человек умерли, находясь под следствием». И нельзя забывать, что Особые отделы НКВД, а затем и СМЕРШ — это и репрессивные органы. Другое дело, что они никак не затеяют их особую роль в Великой Отечественной войне. В этих органах были герои, были профессионалы, честные и порядочные люди. Были и подлецы, и мерзавцы, и палачи. Но при этом всё, что происходило в грозные военные годы, когда СССР мог быть уничтожен гитлеровским нашествием, нельзя судить только с позиций сегодняшних дней, мирного времени.

Личная жизнь министра госбезопасности СССР Абакумова

По воспоминаниям очевидцев, В. С. Абакумов, будучи министром, живя в Москве, на служебной машине ездить не любил. Он предпочитал чаще ходить пешком. На улицах приказывал сопровождающим давать по сто рублей нищим, преимущественно старухам. Ему нравилось, когда старухи крестились, благодаря за подаяние. Как и многие генералы, вернувшиеся с войны, любил немецкие легковые автомашины. Его подчинённые рассказывали впоследствии, как их рослый шеф носился по Москве на крошечном спортивном кабриолете BMW-327. А после капитуляции Германии подчинённые преподнесли ему подарок — Mercedes-Benz-540K, по легендам, принадлежавший рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. Именно на нём министр госбезопасности СССР Абакумов ездил на доклады к Сталину в Кремль.

Охрана привозила Абакумову шашлыки из «Арагви» — к хорошим шашлыкам он был неравнодушен. Более того, в «Арагви» круглые сутки работали три кабинета.

В своей книге «*Т йны уст вшего город* » Э. Хруцкий напишет, как там принимали нужных иностранцев и там же большие чины из КГБ встречались с не менее именитыми осведомителями. Туда же ночью заезжали отдохнуть от забот чиновники высокого ранга. По этим причинам, а возможно, и не только, на кухне этого ресторана работала бригада ударников труда и повара высшего класса. За полчаса официанты накрывали роскошный стол. Ну а шашлыки, которые, кроме Абакумова, заказывал себе Василий Сталин, были лучшими во всей Москве.

Не изменял Виктор Семёнович и другим своим привычкам. По-прежнему он обожал фокстрот и с целью милых развлечений, то есть потанцевать с красивой девочкой, закахивал в знаменитый ресторан «Спорт».

«Гроза шпионов и врагов народа больше всего любил „сбацать“ запрещённый, идеологически чуждый танец, — вспоминал Э. Хруцкий. — В ресторан „Спорт“ он приходил инкогнито, как король из сказок, пожелавший узнать, как живут его подданные. Виктор Абакумов, несмотря на свой высокий рост, любил танцы, выпивки, женщин. Вот из-за них-то и случилась однажды драка в ресторане, и министру прилично накостыляли. Расправа с обидчиками была немедленной, но, как говорили знающие люди, никого не посадили, просто ребята Абакумова весьма прилично отметили виновных».

Ещё одним увлечением министра было кино. Каждый день в четыре утра он приглашал всё руководство госбезопасности в свой кинозал, и часов до семи утра все смотрели трофейные и отечественные фильмы... И всё же главной страстью Виктора Семёновича был футбол. Его заместитель вспоминал: «Ни один интересный матч он не пропускал. Команду „Динамо“ считал своей собственностью».

Одна из знавших Абакумова женщин потом вспоминала о нём:

«Абакумов был личностью неординарной, отличавшейся от советской номенклатуры, хотя бы внешне. Он, например, часто любил ходить по Москве пешком, без охраны (!). Редко ездил в автомобиле, а если ездил, то почти всегда правил сам. Его можно было увидеть на катке на Петровке, 28, где он иногда катался, но чаще стоял среди „нормальных“ людей на

террасе и смотрел на катающихся. На стадионе, куда ездил „болеть“ за „Динамо“, он также сидел среди простых смертных. Кроме спорта, ещё интересовался театром — ходил на премьеры и спектакли в Большой, МХАТ, Малый, Вахтангова. Никогда не усаживался в правительственной ложе, сидел на хороших местах в партере, во время антрактов гулял в фойе. Люди вокруг даже не догадывались, какой страшный министр находится с ними рядом. Он никогда ни с кем не заговаривал, не играл в демократичность, не снижал своего вельможного статуса. Что интересно, он любил серьёзную музыку, постоянно посещал симфонические и инструментальные концерты в Большом зале Консерватории, в зале Чайковского.

Но я не думаю, что Абакумов был по-настоящему образованным человеком... Как мне казалось, у него был какой-то напряжённый интерес к Америке. В доме повсюду валялись американские журналы „Life“, „Look“. У него я их впервые и увидела. По ним Абакумов одевался (а одевался он изысканно модно, в прекрасно сшитые костюмы, заграничные рубашки и вообще во всё заграничное). По американским же журналам обставлял свои многочисленные комнаты. Сервировал стол. Он говорил, что любит смотреть американские фильмы, потому что его интересует всякая информация „оттуда“: как там люди живут, что носят, что едят, на каких машинах ездят... По-моему, ему очень хотелось походить на „западного“ человека. Он даже говорил Вале (своей знакомой девушке), что три дня в неделю занимается с преподавателем английским.

Судя по тому, что находилось в его квартире, он вывез „пол-Германии“. Картины, посуда, хрусталь, мебель, ковры, люстры — всё было трофейное. Хозяин, что было заметно, старался разобраться в этом великолепии и привести его в соответствие с последней картинкой рекламного проспекта, прибывшего из-за рубежа.

Вспоминая Абакумова, могу сказать, что он начисто был лишён того, что называют „приятностью“, „харизмой“. Более того, он был неуютным в личном общении — холодно-высокомерным, презрительно-насмешливым. Безоговорочно принимая „западную“ жизнь в том виде, в каком она доходила до него в виде фильмов и журналов, он презирал советскую действительность. Всё советское — газеты,

книги, кино, автомобили — вызывало у него неприятие и брезгливость. Такие же чувства испытывал он к своим коллегам из МГБ и номенклатурным работникам...» (приводим по книге О. С. Смыслов «Всесильный хозяин СМЕРШ »).

За год до своего ареста Абакумов женился на молодой красивой сотруднице Антонине Смирновой из своего ведомства. Она была моложе его на двенадцать лет. И в мае 1951 года (год ареста Абакумова) она родила мальчика. Сына назвали Игорем. А с первой женой он прожил немало лет, не регистрируя брак. Он ушёл от неё, оставив ей всё, в том числе и хорошую квартиру.

Министр госбезопасности В. С. Абакумов множит себе могущественных врагов

Берия (напомним, что он был в то время заместителем Сталина в правительстве и занимался атомным проектом) был взбешён тем, что Абакумов, став главой Лубянки, перестал прислушиваться к его указаниям. Мало того, за первые несколько месяцев своего руководства Абакумов снял с руководящих постов в МГБ почти всех ставленников Лаврентия Павловича и заменил их своими «смершевцами».

Глава МИДа и созданной в мае 1947 года объединённой военной и политической разведки — Комитета информации (КИ) — Молотов (заместитель Сталина в правительстве) тоже был чрезвычайно недоволен Абакумовым. Его всегда раздражали дипломатические скандалы, нередко возникавшие после абакумовских «мероприятий» против иностранцев. Кроме того, наглый глава МГБ умудрился подсунуть ему в КИ первым заместителем генерала Петра Федотова, человека неглупого, но крайне нерешительного. В результате, когда Молотов отсутствовал, Федотов не рисковал самостоятельно принимать мало-мальски ответственные решения.

Но особенно жёстко враждовали с Абакумовым руководители МВД — министр внутренних дел Сергей Круглов и его первый заместитель Иван Серов. Новый глава Лубянки добивался передачи в своё подчинение одного подразделения МВД за другим...

Мстить Абакумову его неприятели могли только одним способом — показывая Сталину, что министр

госбезопасности ни на что не годен. И осенью 1947 года кампания по дискредитации Абакумова, возможно спланированная и срежиссированная Берией, началась. (Напомним, что в эти годы Л. П. Берия не был руководителем спецслужб, а всецело занимался атомным проектом и был в ранге заместителя Сталина в правительстве страны.)

Хитроумный Лаврентий на основании докладов КИ и МВД стал доказывать Сталину, что МГБ не борется с окопавшейся повсюду английской агентурой, что по недогляду Абакумова американские шпионы проникли в советский атомный проект и всю вредительствуют в нём. К провалам выдуманым прибавились и реальные. «Осенняя операция МГБ по украинским националистам, — информировал вождя генерал Серов, — была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А Абакумов за операцию представил сотни сотрудников к наградам».

Над головой министра госбезопасности начали сгущаться тучи. Ему срочно нужно было раскрыть какую-нибудь опасную шпионскую или террористическую сеть. Одержать такую победу над врагами народа, которая могла бы вернуть ему расположение Сталина: например, разоблачить какой-нибудь «еврейский заговор» или что-то ещё.

Небольшое отступление. Личная секретная разведка Сталина

Деятельность Сталина по управлению государством и его взаимодействию на внешнеполитической арене таит много скрытых механизмов, которыми он так успешно пользовался. Например, это могла быть его личная стратегическая разведка и контрразведка, о которой много рассказывал в своих книгах и интервью Владимир Жухрыч, представляющий себя одним из руководителей этого органа. Документальных подтверждений этому практически нет, такая структура вряд ли оставляла после себя какие-либо документы. Можно по-разному относиться к утверждениям Жухрыча; по крайней мере, многие приводимые им факты подтверждают происходившие в то время события и жёсткую борьбу Сталина со своим окружением, вместе с его стремлением обеспечить безопасность и развитие страны

во враждебном окружении, для чего нужна была объективная и беспристрастная информация. Возможно, Жухрай что-то и приукрасил — не без этого, но логика действий Сталина была именно такой, как её представляет автор.

Структура работала в двух направлениях: контрразведка по всей без исключения партийно-хозяйственной элите, в том числе и по членам Политбюро, в котором были далеко не безгрешные ангелы, и разведка — по проникновению в особо секретные государственные тайны и взаимоотношения руководителей зарубежных стран. По воспоминаниям Жухрая, для этой структуры не было секретов, которые она не могла добыть или купить. Вся партийно-хозяйственная элита страны находилась под круглосуточной прослушкой, и все их «тайны» были известны. В структуре работало около шестидесяти тщательно подобранных уникальных специалистов, знавших по несколько языков и обладавших знаниями в смежных специальностях, а также громадная сеть агентов и осведомителей по всему миру. Они были преданы Сталину, и их невозможно было подкупить.

В своих воспоминаниях Жухрай не рзост н влив ется н личности Аб кумов, успешно руководившего во время войны СМЕРШем и потом возглавившего Министерство государственной безопасности. Он подчёркивает его карьеризм, нечистоплотность, стремление к фабрикации липовых дел на советских руководителях и военных во имя продвижения по карьерной лестнице. Об этих же качествах Абакумова писал в своём дневнике и генерал Серов, который, будучи заместителем Берии, постоянно конфликтовал с Абакумовым по методам работы.

Джуге (это очень преданный Сталину сотрудник его секретной службы) и Жухрайю Сталин поручал перепроверять предоставляемые МГБ материалы и давать своё заключение.

Абакумов упорно стремился в карьеристских целях в 1946 — 1948 годах сфабриковать «дело маршалов» по аналогии с «заговором Тухачевского». Был убеждён в существовании военного заговора в стране и причастности к нему маршала Жукова, а также курировал «дело авиаторов» и «дело моряков». Последнее — по обвинению командующего ВМФ адмирала Кузнецова в шпионаже на Англию, на основании чего Абакумов просил Сталина санкционировать арест адмирала.

Ст лин поручил Джуге р зобр ться в «деле моряков». После выяснения всех обстоятельств в деле по обвинению Кузнецова в передаче Англии во время войны документации на секретные торпеды, Сталину было доложено, что никакого заговора нет и всё это бредни Абакумова. Командующий ВМФ допустил халатность, приведшую к разглашению секретных сведений по новому оружию, за что Кузнецов в 1948 году был понижен в звании.

Абакумов затеял и так называемое «дело ви торов» против руководителей авиационной промышленности и ВВС, обвинив их в 1946 году во вредительстве и сговоре по принятию во время войны на вооружение самолётов с серьёзными недоделками и большим браком. Он доложил Сталину о многочисленных катастрофах самолётов и гибелях лётчиков за все годы войны. *Министр Ш хурин* якобы гнал за показателями выполнения плана и выпускал некачественную продукцию. Военные закрывали на это глаза, и в армии лётчики погибали из-за некачественных самолётов. *Министр Ш хурин и гл вком ВВС Новиков* арестовали, подвергли «активному допросу», и они признали вину в поставках в армию дефектных самолётов. Это привело к аресту ряда руководителей авиационной промышленности и офицеров ВВС.

Абакумов убеждал Сталина в том, что это заговор и они занимались вредительством, сознательно поставляя в армию некачественные самолёты, и требовал их сурового наказания.

Сталин опроверг эти обвинения, поскольку эти люди много сделали для победы в войне и не могли заниматься вредительством, и поручил Джуге перепроверить г нные Аб кумов . Проверка выяснила, что никакого заговора не было, а существовавшая практика поставки в войска некачественной продукции и была следствием того, что на фронт требовалось большое количество самолётов и их не успевали изготавливать должным образом.

Суд рассмотрел «дело авиаторов» и за выпуск некачественной продукции и сокрытие этих фактов от руководителей государства приговорил обвиняемых в мае 1946 года к различным срокам заключения, небольшим по тем временам.

В связи с «делом авиаторов» был освобождён от должности второго секретаря ЦК М ленков и направлен Сталиным

в длительную командировку на периферию. Вторым секретарём ЦК стал *Жг нов*, который скоропостижно умер в 1948 году, и это послужило началом «дел вp чей-убийц».

Сталин вернул Маленкова в 1948 году в Москву, сделав секретарём ЦК по кадровой политике в партии и государстве, вопреки протесту Джуги (который имел звание генерал-майора), презрительно называвшего Маленкова «Маланьей» и утверждавшего, что он «затаившийся антисоветчик, который себя ещё покажет».

Теперь о «деле Жуков». Абакумов зачитал Сталину письма военных, в которых утверждалось, будто Жуков настолько зазнался, что окончательно потерял над собой всякий контроль: впадая в гнев, без причины срывает погоны с генералов, унижает их и оскорбляет матом, обзывает оскорбительными кличками, в ряде случаев дошёл до рукоприкладства, и работать с ним стало невозможно. Сталин поручил Джуге разобраться с тем, не задумал ли Абакумов поссорить его с руководством вооружённых сил. После выяснения сути дела Джуга, по команде которого с 1942 года прослушивалась квартира Жукова, доложил Сталину, что Абакумов из карьеристских ухищрений затеял дело по «заговору Жукова», которого нет, а ведётся только дело о расхищении военными трофейного имущества, и Жуков ожидает ареста. Он подчеркнул, что у Жукова большие заслуги перед страной, и он не заслуживает уголовного преследования, а за хамское отношение к подчинённым его стоит понизить в должности.

На расширенном заседании Политбюро в 1946 году с приглашением всех маршалов выступил Сталин и высказал претензии к Жукову, военачальники поддержали вождя. Жуков молчал и не оправдывался, его освободили от занимаемой должности заместителя наркома обороны и перевели командующим Одесским военным округом.

Об убийстве народного артиста СССР Соломона Михоэлса

Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) был в то время единственной официальной еврейской организацией. Его создавали в 1941 году при деятельном участии курировавшего в то время абсолютно все общественные организации

НКВД, который тогда возглавлял Берия, для оказания полезного для СССР влияния на общественное мнение Запада и получение финансовой помощи стране от еврейских банкиров. С этой задачей ЕАК справлялся достаточно успешно. Но после войны он оказался для властей большой проблемой — закрыть его было неудобно, а интегрировать в советский строй, как скоро выяснилось, невозможно. Руководил этим еврейским комитетом известный театральный деятель Соломон Михоэлс, народный артист СССР.

Существуют различные версии того, кто принял решение о роспуске этого комитета и убийстве Михоэлса. Это произошло в Минске, во время поездки Михоэлса по каким-то делам. Его труп был обнаружен на дороге, раздавленный грузовиком. Считалось, что Михоэлсу приписывалась шпионская деятельность и его уничтожили сотрудники министерства Абакумова по его непосредственному приказу. Отдавал ли Сталин приказание Абакумову об убийстве Михоэлса и как отнёсся к этому убийству, точно не известно. (По этим поводам существуют различные версии, и их можно обнаружить сегодня в различных информационных материалах.)

Кратко по поводу «ленинградского дела»

В июле 1949 года секретная личная разведка Сталина получила из Лондона сообщение о том, что второй секретарь Ленинградского горкома партии Капустин, находившийся в Англии в командировке, якобы завербован английской разведкой. Капустин был близким другом секретаря ЦК Кузнецова и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии Попкова. Вскоре Капустин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Англии и при «активном допросе» не только признал факт его вербовки, но и дал показания о существовании в Ленинграде антисоветской группы во главе с членом Политбюро, заместителем Председателя Совмина Вознесенским, секретарём ЦК Кузнецовым, председателем Совмина РСФСР Родионовым и первым секретарём Ленинградского обкома и горкома партии Попковым.

А в это время среди партийного актива ходили слухи, что Сталин якобы в качестве своих преемников предполагает

назначить на пост Генерального секретаря ЦК Кузнецова, а Председателем Совмина — Вознесенского.

Все они давно уже были на прослушке у команды Джуги, и тот предоставил Сталину записи разговоров их пьяной компании. На этой записи Попков заявил, что товарищ Сталин плохо себя чувствует и, похоже, скоро отойдёт от дел (напомним, что в 1948 году Сталин перенёс очередной инсульт), и надо подумать, кто пойдёт ему на замену. Капустин сказал, что Председателем Совмина может стать Вознесенский, а Попков в генсеки определил Кузнецова и предложил тост за будущих руководителей государства. Сталин поинтересовался, как вели себя Вознесенский и Кузнецов, — те промолчали, но за предложенный тост выпили.

Далее Попков предложил создать компартию РСФСР, Кузнецов это поддержал и добавил: «...а столицей РСФСР объявить Ленинград». Прослушав это, Сталин задумчиво произнёс, что они, по всей видимости, хотят вытащить основу из-под союзного правительства. Джуга посчитал, что всё это лишь пьяная болтовня, но Сталин резонно заметил, что все заговоры в истории начинались именно с невинной пьяной болтовни.

Для страдающего подозрительностью Сталина такой оборот с его соратниками многое значил, и они все были арестованы. Разбирательство длилось более года, и в сентябре 1950-го все они в суде полностью признали свою вину и были приговорены Военной коллегией Верховного суда к расстрелу.

Сталин после инсульта уже не мог детально разобраться в «ленинградском деле». Он в присутствии Абакумова лично передопросил Вознесенского и Кузнецова, и они подтвердили свою вину. После этого ленинградская партийная организация была разгромлена, и Сталин лишился группы своих верных соратников, которые на самом деле не заговор готовили, а необдуманно высказывали свои мнения.

Поводом для рест Абакумов (к которому утверждён в своей цитированной выше книге О. С. Смыслов) послужил обыкновенный донос. Старший следователь Следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник Рюмин написал в Центральный комитет партии, что его высокопоставленные коллеги не обращают внимания на террористические происки врагов, направленных против первых

лиц государства. И началось расследование, длившееся три года. С дела по осуждению Абакумова и на сегодня не снят гриф секретности. В нём девяносто томов истории трёхлетнего следствия и суда над ним.

Генерал ФСБ Алекс ндр Безверхний говорит, что ошибка Абакумова изначально была в том, что в июне 1946 года он согласился стать министром госбезопасности СССР. Ведь он — оперативник, он военный, победитель. Но он не политик. Он не знал этих особенностей подковёрной борьбы, он не был к ней готов. Был ли у него выбор или нет — вопрос риторический. А поиски Абакумовым врагов? По его логике — врагов должно быть со временем всё меньше, если сегодня их активно выявлять и с ними бороться. И он считал, что этим и занимается.

«Совершенно секретно (из письма министр госбезопасности Семён Игнатьев Сталину). Абакумов переведён из Лефортовской в Бутырскую тюрьму и содержится в ручных кандалах. Расположение камеры, в которой находится Абакумов, исключает возможность его связи с кем-либо из лиц, не имеющих отношения к его охране и допросам. Абакумов охраняется людьми, не знающими его и неизвестными ему. Содержится Абакумов не под фамилией, а под присвоенным номером. Подобраны уже и использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания — применять физические наказания».

Допросами руководил лично М. Рюмин, к тому времени за успехи в работе повышенный до должности заместителя министра МГБ. Чтобы остаться на этом посту, ему надо было выбить в прямом смысле признательные показания Абакумова, которого обвиняли в государственной измене, шпионаже в пользу английских и американских разведок и вредительской работе в военной контрразведке. На эти обвинения Абакумов реагировал усмешкой. Только заметил: «Что же я, по-вашему, и на немцев работал?»

Об «особых методах дознания» Абакумов, конечно же, знал. Но думал ли он, что речь идёт о пытках, позавидовать которым могли бы и средневековые мастера «заплечных дел»? Но, так или иначе, ему пришлось всё испытать на себе. Его били, морозили, морили голодом, не давали спать, держали в кандалах.

И однажды он решился написать письмо Берии и Маленкову, которые, возможно, стояли за его бедами (написать ему дали однажды возможность): «Дорогие Л. П. и Г. М., со мной проделали что-то невероятное... Привели в так называемый карцер, а на деле, оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. Установка включилась, и холод всё время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел. И о наличии таких холодильников не знал, был обманут...» Абакумов при этом просил одного: избавить его от Рюмина и вернуть свободу жене и ребёнку, которому на момент ареста жены было три месяца (она была арестована вскоре после ареста самого Абакумова). От переживаний у неё пропало молоко, так что надзирателям приходилось покупать для ребёнка молоко на рынке.

Из медицинского заключения: «Заключённый еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение... При пальпации спины болезненность мышц в области межрёберных промежутков... По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру».

Возвращать свободу скомпрометированному экс-министру ни Хрущёв, ни Маленков не собирались, так как он был слишком неудобный и непредсказуемый и так удачно убранный с политической шахматной доски. И Хрущёв решил избавиться от него навсегда, записав его в «банду» Берии и обвинив в фабрикации ряда дел, в числе которых было и «ленинградское дело», в результате которого были осуждены и казнены, по мнению Хрущёва, невинные люди.

В Доме офицеров на Литейном проспекте в Ленинграде в 1954 году (напомним, что Сталин умер в 1953 году) состоялся суд над Абакумовым и другими. Суд, как его называли, — «открытый показательный». Абакумова привезли в Ленинград на открытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, которое проходило в течение пяти дней. Абакумов держался подчёркнуто спокойно. Виновным он себя не признавал, настаивая, что стал жертвой провокаций со стороны Берии, Кобулова и Рюмина (напомним, что названные лица были к тому времени

расстреляны). Из защитной речи В. С. Абакумова: «Все недостатки в органах ЧК, скопившиеся за длительный период, вменяются мне как преступления... Я ничего не делал сам. Сталиным давались указания, я их выполнял. Государственный обвинитель ругает меня, с одной стороны, за допущенные перегибы, а с другой, за промахи, смазывания. Где ж тут логика?.. Утверждать, что я использовал такой орган, как Особое совещание, для расправы, — значит, забывать о том, что я никогда не председательствовал в Особом совещании».

И вот девятого декабря 1954 года, в День военной контрразведки, которой Абакумов отдал свои лучшие годы, прозвучал приговор: расстрел. Привели его в исполнение с трусливой поспешностью, спустя один час пятнадцать минут после оглашения приговора. Последними словами опального министра были: «Я всё напишу в Политбюро...»

Генерал ФСБ А. Безверхний уже в наши годы сказал: «Если сегодня задаться целью поставить памятник Виктору Семёновичу Абакумову, то он должен быть двух цветов — чёрного и белого мрамора. Потому что в его судьбе, его биографии, поступках было и белое, и чёрное... Но у него нет памятника и даже надгробной плиты. В чёрное и белое только окрашены воспоминания людей, к которым имел отношение опальный министр. Уже больше полувека его жизнь и смерть являются государственной тайной».

Жену Абакумова с сыном выпустили уже сразу после его расстрела. Она провела с сыном в тюрьме два года и восемь месяцев. Сыну Абакумова Игорю сменили фамилию на материнскую. В метрике в графе «Отец» стоял прочерк. Сын Абакумова Игорь Викторович Смирнов вырос порядочным человеком и гражданином. Он врач, профессор, академик РАЕН. И большую часть жизни проработал под прикрытием спецслужб. Он занимался изучением возможностей психики человека. За рубежом учёные-коллеги называют его не иначе как «отцом психотронного оружия». Ушёл он из жизни в 2004 году. А жена Абакумова Антонина умерла давно, ещё молодой.

Игорь Викторович пытался добиваться реабилитации отца. Но эти усилия мало к чему привели. Адвокаты, рассматривая через много лет обвинения, по которым был

расстрелян Абакумов: измена Родине, вредительство, подрывная деятельность против Советского государства, — сочли их надуманными. Не было этого. И вызывают уважение сила и мужество этого человека, который и под многочисленными пытками не признал выдвинутых ему большинства обвинений. Также он никого не оговорил и этим самым не забрал с собой в могилу.

В 1997 году дело Абакумова Военной коллегией было пере­квалифицировано на «воинское должностное преступление, предусматривающее ответственность за превышение власти и злоупотребление служебным положением должностным лицом при наличии особо отягчающих обстоятельств». Было определено наказание в виде двадцати пяти лет лишения сво­боды. Из приговора было исключена и конфискация имуще­ства. Но ни ему, ни его семье это уже было не нужно.

Действовавшая во времена Хрущёва и с его подачи (и в последующие времена) цензура вычеркнула какие-либо упоминания о В. С. Абакумове в истории Великой Отече­ственной войны. Не встретим упоминание о нём и в много­численных мемуарах советских маршалов и генералов.